

ДИСКУССИЯ:

ЭФФЕКТИВЕН ЛИ В НАУКЕ МОБИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД?

DOI: 10.19181/smtp.2023.5.2.13

EDN: OCFLIP

«БОЛЬШИХ ЗАТРАТ НА ВСЁ ЭТО ДЕЛО НЕ ПОТРЕБУЕТСЯ»: ПОДХОДЫ К ОРГАНИЗАЦИИ НАУЧНОГО ТРУДА В 1930-е ГОДЫ

**Долгова
Евгения Андреевна¹**

¹ Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия

Для цитирования: Долгова Е. А. «Больших затрат на всё это дело не потребуется»: подходы к организации научного труда в 1930-е годы // Управление наукой: теория и практика. 2023. Т. 5, № 2. С. 166–175. DOI 10.19181/smtp.2023.5.2.13. EDN OCFLIP.

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется изменение подходов к стимулированию и организации научного труда в годы индустриализации, проводившейся в СССР по мобилизационному сценарию. На примере работы уникальных учреждений – Центральной комиссии по улучшению быта учёных и сменившей её в 1931 г. Комиссии содействия учёным – автор характеризует переход от социально-экономической поддержки конкретного научного работника в 1920-е гг. к стимулированию производственной составляющей научного труда с её коллективизмом и высокими темпами выпуска научной продукции, особенно актуализированными на волне влияния тейлоризма и в годы стахановского движения. Автор делает вывод, что эти изменения отразились на производственной культуре того времени – идеях об отказе от полного научно-производственного цикла в пользу разделения труда и общего увеличения актуального рабочего времени, от материального стимулирования конкретных учёных и квалификационных групп в пользу обеспечения производственных мощностей научных предприятий. Особое внимание уделяется проектам организации коллективных исследований – «вспомогательных цехов» при научных организациях. В основу исследования положены документы неопубликованной аналитической записки «Об ускорении темпов научно-исследовательской работы» и материалы её закрытого обсуждения на совещании Комиссии содействия учёным, выявленные в фонде Государственного архива Российской Федерации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

индустриализация, материальное стимулирование, производственный цикл, тейлоризм, стахановское движение, научные организации

БЛАГОДАРНОСТИ:

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 20-78-1009, проект «Советская наука как индустрия: кадры, инфраструктура, организационно-управленческие практики (1920–1970-е гг.)».

20 апреля 1931 г. управляющий делами СНК СССР Е. П. Воронов в докладной записке председателю В. М. Молотову отмечал, что дело организации научного труда в СССР поставлено неумело: несмотря на «беспрецедентные» меры заботы о социально-экономическом благосостоянии учёных, не уделялось внимания ключевым вопросам исследовательской работы – повышению производительности и рационализации научно-исследовательского процесса¹. Эта докладная записка символически завершила развернувшуюся в конце 1920-х гг. кампанию по дискредитации системы мер персонализированной поддержки ученых в соответствии с их научной квалификацией [1]. Критика была направлена против Центральной комиссии по улучшению быта учёных (ЦеКУБУ) – специального органа, занимавшегося социально-экономическим обеспечением учёных на протяжении послереволюционного десятилетия (1921–1931).

Несмотря на то, что в разгар дискуссии речь шла о полной ликвидации ЦеКУБУ, в докладной записке Е. П. Воронов предлагал сохранить её – как площадку диалога со старыми кадрами, как учреждение, известное и уважаемое за рубежом (в том числе в среде эмиграции). Однако в условиях поставленных задач индустриализации требовалось перестроить работу комиссии: вместо разрешения материально-бытовых вопросов учёных предлагалось «нащупать узловые вопросы организации научно-исследовательской работы», оказывая содействие не только конкретным учёным или квалификационным категориям, но и учреждениям, научным коллективам. Обосновывая осуществимость этой перестройки, Е. П. Воронов подчёркивал, что «больших затрат на всё это дело не потребуется».

В тексте Е. П. Воронова знаменательно противопоставление и неожиданным образом взаимоисключение двух принципов – материального обеспечения учёных и содействия организации научного труда. Первый увязывался с социально-экономическим стимулированием конкретного научного работника (в зависимости от квалификации); второй предполагал внимание к производственной составляющей научного труда с её коллективизмом и темпами выпуска научной продукции, имевшими особое значение в условиях индустриализации². За этой оппозицией стоял плотный исторический

¹ Опубликована: [1].

² Первая Всесоюзная конференция по планированию научно-исследовательской работы, 6–11 апреля 1931 г.: Стенографический отчёт. М.-Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1931. С. 382–387.

контекст противопоставления настроений эгалитаризма 1920-х гг. и социального ранжирования (установка ЦКУБУ на дифференциацию материального стимулирования квалифицированных групп учёных); распределения мер поддержки между старыми и новыми, форсированно подготовленными научными и инженерными кадрами (несмотря на социальные лифты в виде рабфаков и комвузов наиболее квалифицированными оставались научные кадры «спецов», нередко аполитичные или вовсе оппозиционные режиму), выборов приоритетов обеспечения – квалифицированных или дисциплинарных групп учёных (в условиях разворачивающейся индустриализации очевидной была задача особой поддержки прежде всего научных работников инженерно-технических специальностей), наконец, иностранными заимствованиями (т. н. «советский тейлоризм» – [2]) и ставкой на трудовой энтузиазм в качестве ресурсов советского индустриального проекта в условиях перехода к дефицитному хозяйству в годы индустриализации. Эти линии напряжения совпадали с процессами конкуренции за значительную материальную базу науки³.

Смену приоритетов отразило название новой комиссии: словосочетание «улучшение быта учёных» сменилось «содействием» (созвучным влиянию идей тейлоризма) – Комиссия содействия учёным (КСУ, 1931–1937). В КСУ было учреждено три подкомиссии: 1) для разрешения крупных организационных и административно-финансовых вопросов оперативного характера; 2) для разрешения вопросов, связанных с улучшением материально-бытового положения учёных (материально-бытовая, медицинская и санаторно-курортная помощь, улучшение социально-бытовых условий, обеспечение престарелых учёных), 3) для разрешения вопросов, связанных с оказанием учёным содействия в их научно-исследовательской работе (издание научных трудов, выписка иностранной литературы и пособий, научные командировки). Позднее была учреждена четвёртая подкомиссия: по привлечению учёных к разработке отдельных крупных вопросов социалистического строительства. Как видно, в результате организационной перестройки в работе Комиссии содействия учёным материально-бытовое обеспечение оказалось вытеснено на второй план (хотя и сохранено): главным же стало содействие научно-исследовательской работе⁴. Вторым изменением стало утверждение дисциплинарного (приоритетного) подхода к обеспечению учёных⁵, что резко сузило круг бенефициаров, включённых в её списки. Перечень имён и вносимые изменения в список утверждались СНК СССР, с 1936 г. – Отделом науки ЦК ВКП(б) [5, с. 144]. Изменился и

³ На протяжении нескольких лет ключевую роль обвинителя в дискуссиях играла Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР (ВАРНТИСО) – организация, созданная в октябре 1927 г. и контролируемая В. М. Молотовым и Н. И. Бухариным. Ещё в ходе первого заседания 7 апреля 1927 г. основатели ВАРНИТСО открыто заявили о своём решении укреплять материальную базу исследовательских институтов, подведомственных Наркомпросу, Научно-техническому управлению ВСНХ и других учреждений, ослабляя при этом материальную базу Академии наук СССР [3; 4, с. 318].

⁴ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 32. Д. 15. Л. 3.

⁵ «КСУ дифференцированно обслуживает работников науки и техники в зависимости от соответственно правильной дислокации научных сил, политического и народнохозяйственного значения данной отрасли науки на данном этапе советского строительства, а также ценности каждого научного работника в отдельности», – ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 27. Д. 238. Л. 21.

адрес Комиссии: с Чистых прудов, д. За она была переведена в Скатертный переулок, д. 4/2, оказавшись в одном здании с Комитетом по изобретательству при Совете труда и обороны⁶.

Хотя социально-бытовые функции за Комиссией сохранялись, подчёркивалось, что она не должна подменять работу соответствующих хозорганов («оказывать содействие материально-бытовому положению учёных это не значит разверстать свою собственную сеть распределителей, столовых, больниц, санаторий и т. д.»). Впрочем, уже через несколько лет это направление стало объектом критики. В Постановлении СНК СССР № 2043 от 2 сентября 1934 г. отмечалось, что ведущей и основной работой КСУ являлось материально-бытовое обеспечение учёных в ущерб основному вектору – содействию научно-исследовательской работе, помощи в научной организации умственного труда. В этом выделась её преемственность «старому ЦеКУБУ». Текст Постановления подчёркивал важность увязки работы Комиссии с тенденцией общего роста народного хозяйства СССР, переключения научных сил в процессе реализации первой пятилетки на активную работу и непосредственное участие в социалистическом строительстве. Особое внимание КСУ должно было уделяться и проблеме широкого вовлечения партийных сил в научную работу – вплоть до радикальных мер – перевода контингента партийцев с административной на научную работу и «признания писания научных трудов основной партийной нагрузкой»⁷. Материально-бытовое обеспечение учёных при этом должно было служить базой для подкрепления политических мер, но не являться главным инструментом стимулирования и поддержки. В результате этим же постановлением (под названием «о мероприятиях по оказанию содействия учёным») из ведения КСУ оказался выведен практически весь социально-бытовой сектор. Семь находящихся в ведении КСУ жилых домов в Москве были переданы Моссовету по договору последнего с СНК СССР о сохранении их для научных работников. Полномочия выдачи пособий, ежемесячно выплачиваемых отдельным научным работникам, их вдовам и сиротам, были закреплены за Наркомсобесом РСФСР. Сокращено оказалось и количество санаториев и домов отдыха⁸. Этот удар по материальной базе резко сузил организационные возможности Комиссии содействия учёным: как и планировалось, произошла перестройка её работы, но и сами меры воздействия и стимулирования приобрели декларативный характер.

Главным вектором работы реорганизованной КСУ стала разработка мер по рационализации и повышению производительности интеллектуального труда, актуализированных на волне влияния тейлоризма в конце 1920-х – начале 1930-х гг. и позднее, в годы стахановского движения⁹. Разумеется,

⁶ Там же. Ф. Р-4737. Оп. 1. Д. 324. Л. 6

⁷ Проект директивы о новых задачах Комиссии содействия учёным и её организации: ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 27. Д. 238. Л. 19, 20, 23.

⁸ Там же. Л. 48–49.

⁹ Эта смычка подчёркивалась в речи В. М. Молотова на Первом Всесоюзном совещании рабочих и работников-стахановцев (1935): «Если учёные помогают рабочим людям и передачей своих знаний во многом расширяют горизонт трудящихся, то почему же рабочие, которых много и жизненный опыт которых громаден, не могут помогать учёным, особенно если дело идет не об узко специальных вопросах». Впрочем, в этом же собрании Г. К. Орджоникидзе уточнял: «Стаханов побил всех наших учёных, учёных Европы и Америки» – Первое Всесоюзное совещание рабочих и работников-стахановцев. М., 1935. С. 314, 876.

следует разводить эти понятия. В основе тейлоризма лежала научная организация труда, производства и управления. Стахановское движение как чисто советское явление соотносилось со ставкой на трудовой энтузиазм, перенапряжение сил и форсированный характер работ, сопряжённые с нарушением нормальной хозяйственной деятельности. В этом отношении его спонтанность была несовместима с методичными изысканиями в духе научного менеджмента. Однако оба явления имели целью коренной пересмотр подходов к организации научного труда, ориентированный на повышение производительности и ускорение исследовательского процесса.

В аналитической записке «Об ускорении темпов научно-исследовательской работы» и материалах её закрытого обсуждения на совещании КСУ (7 декабря 1935 г.) отмечались причины перестройки. В их основе лежали экономическая оптимизация научно-исследовательского процесса (указывалось, что ежегодные расходы на исследовательскую работу превышали 900 млн руб.¹⁰) и поставленная задача ускорения темпов развёртывания научно-исследовательской работы. Проблема виделась в устарелых формах организации научного труда, когда учёный самостоятельно или с ограниченным кругом помощников выполнял все стадии исследовательской работы: поиск и собирание литературы вопроса, планирование исследования, проектирование приборов (особенно это касалось не серийных, а прецизионных приборов), проведение эксперимента, вычислительная и графическая обработка его результатов, критическая оценка и анализ данных, подготовка рукописи к печати¹¹. При такой организации научного труда неизбежно было замедление работы на тех или иных стадиях исследовательского процесса, в материалах совещания присутствовали также оценки отдельных этапов как «кустарщины». В записке обосновывалось, что приёмы рационализации исследовательского процесса (за счёт отладки конвейера на основе коллективных и комплексных работ, планирования труда) позволили бы в значительной степени уплотнить его темпы без добавочных капиталовложений и в относительно короткие сроки. В качестве снижения добавочной затраты предполагалось преодоление диспропорции между научным и научно-вспомогательным персоналом («на одного научного работника... получают только доли обслуживающего работника»¹²). Выходом виделось сокращение числа научных работников за счёт расширения штатов научно-вспомогательного персонала и затрат на механизацию процессов («лучше иметь немного меньше научных работников, зато работающих гораздо быстрее»¹³). Внутри научных институтов должны были быть организованы целые «вспомогательные цеха» – библиографические бюро при библиотеках, проектно-конструкторские бюро при отдельных мастерских (с фиксированным сроком выпуска приборов – от 2–3 дней до месяца), счётные бюро при лабораториях (в отдельных случаях предполагалась возможность заключения договоров со сторонними организациями – счётны-

¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-4737. Оп. 1. Д. 754. Л. 42.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Л. 53.

¹³ Там же. Л. 46.

ми фабриками) и бюро по оформлению рукописей (в штате – машинистки, стенографистки, переводчики, чертёжники)¹⁴. Под контроль должно было быть поставлено и обеспечение научно-вспомогательных цехов дефицитными материалами и инструментами по расширенной номенклатуре (отмечалось как основная проблема в совещании). Для самих исследователей предлагалась организация курсов техники научного труда, они снабжались экономными оргприспособлениями – специально разработанными записными книжками, протокольными бланками и карточками, папками для хранения и организации научного материала и т. д.¹⁵ В качестве общегосударственных мер планировались: ускорение превращения рукописи в книгу через журналы; упорядочение выписки зарубежной литературы; создание хозрасчётных организаций по выпуску оргприспособлений для учёных; издание инструктивных брошюр по организации, технике и гигиене труда учёного, наконец, созыв конференций по обмену опытом. Таким образом, речь шла о максимальном поднятии производительности труда путём использования возможностей техники¹⁶. В основе новых подходов лежала оптимизация всех звеньев научного процесса за счёт преодоления недостатков организационно-производственной рутины: 1) загруженности научных работников вспомогательно-технической работой (библиографические, вычислительные, переводческие её виды); 2) недостаточного использования средств современной техники, повышающих производительность труда (счётно-аналитические, вычислительные, диктовальные и др. машины). Результатом виделось освобождение творческого времени исследователя и – как следствие – ускорение темпа исследования с одновременным повышением его качества¹⁷.

Амбициозным проектом стал предложенный к постройке в 1934 г. (неслучайно совпало с переводом АН СССР из Ленинграда в Москву) Дом научного труда (арх. – А. В. Щусев)¹⁸. Его планировали возвести в Подмосковье, в районе Звенигорода, однако позднее было принято решение о переносе строительства в Москву. Первое название проекта было «Дворец научного труда»: по масштабу он вполне вписывался в программу Генерального плана реконструкции Москвы. Основной задачей ДНТ виделось научно-вспомогательное и бытовое обслуживание, необходимое научным работникам в процессе осуществления важнейших этапов научного исследования¹⁹. Утверждая, что учёный не должен тратить время и усилия на те работы, которые могут быть выполнены машиной или менее квалифицированным работником, проектировщики видели отличие Дома научного труда от санаториев и домов отдыха функционирование научно-вспомогательной части – справочной библиотеки, выставки по научной организации труда, бюро счётных машин, переводов,

¹⁴ Там же. Л. 47–48.

¹⁵ Там же. Л. 48. Пример карманного календаря-справочника научного работника – с впечатанными подробными справочными данными о сети научных учреждений, списком важнейших вузов и втузов, извлечения из основных нормативных актов о научных работниках: Там же. Д. 576. Л. 47.

¹⁶ ГАРФ. Ф. Р-4737. Оп. 1. Д. 754. Л. 19.

¹⁷ Там же. Л. 51.

¹⁸ Левинсон Н. Г. Дом научного труда // Социалистическая реконструкция и наука (СОПЕНА). 1933; Дом научного труда // Вечерняя Москва. 1932. 19 ноября

¹⁹ ГАРФ. Ф. Р-4737. Оп. 1. Д. 754. Л. 20.

стенографии и машинописи, фотолаборатории и чертёжной, вооружённых современными техническими средствами²⁰. Наряду с научно-вспомогательным обслуживанием, научный работник мог бы пользоваться в Доме научного труда отдельным жилым помещением («ячейкой») для отдыха, рабочим кабинетом, возможностями для занятий спортом и бытовым обслуживанием («с удобствами, комфортом, гигиеной, уютом и приятностью, но без излишней роскоши²¹»), которое избавило бы его от излишней и непроизводительной траты времени. Проект предполагал возможность одновременного пребывания в нём до 100 научных работников (в дальнейшем предполагалось расширение возможностей обслуживания до 200 специалистов одновременно) на условиях командировки – в период наибольшего творческого напряжения (составление планов и программ исследования, обработка и оформление материалов, написание монографий и диссертаций)²². Подобный комбинат, по предварительной оценке, требовал около 3,5 млн руб., закончить строительство планировалось в третьем квартале 1938 г.²³ В дальнейшем предполагалось масштабирование столичного опыта в крупнейшие научные и индустриальные центры СССР.

Как и многие проекты Плана генеральной реконструкции Москвы, Дом научного труда не был построен. Не была перестроена по производственному принципу и система организации научных работ. Впрочем, и сама деятельность Комиссии постепенно сошла на нет: после постановления 1934 г. её заседания сократились. Особый удар нанесло и Кремлевское дело: после отстранения от работы председателя Комиссии А. С. Енукидзе и назначения председателем В. И. Межлаука Комиссия почти не собиралась, список учёных 1935 г., согласованный с наркоматами и Отделом науки ЦК ВКП(б), не был утверждён. 1 ноября 1937 г. Комиссия была ликвидирована согласно постановлению СНК СССР № 2002 от 11 ноября 1937 г.²⁴, а многие связанные с ней лица оказались репрессированы. Отголоски дискуссии об организации научного труда нашли отражение в отдельных мерах научно-вспомогательного характера – например, в совершенствовании государственной библиографической регистрации (прежде всего, текущей научно-вспомогательной библиографии) в 1930-е гг.

Таким образом, в годы индустриализации, проводившейся в СССР по мобилизационному сценарию, произошло изменение подходов к стимулированию и организации научного труда. В целях экономической оптимизации и ускорения темпов научно-исследовательской работы доминирующей стала установка на получение не отдельных научных результатов, а увеличение выпуска продукции в масштабе всего предприятия – научной организации. Эти изменения отразились на производственной культуре того времени – идеях об отказе от полного (индивидуального) научно-производственного цикла в пользу разделения труда и общего увеличения актуального рабочего времени, от материального стимулирования конкретных учёных и квалификаци-

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Л. 22.

²² Там же.

²³ Там же. Л. 21. Также описание: Ф. Р-4737. Оп. 1. Д. 827.

²⁴ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 17. Д. 344.

онных групп в пользу обеспечения производственных мощностей научных предприятий. Проекты тех лет, возникшие под влиянием как «советского тейлоризма», так и переноса стахановских элементов в научно-исследовательский процесс, предполагали ускорение и рационализацию технологического процесса, строгую специализацию квалифицированного и вспомогательного труда при высоких требованиях к последнему, интенсификацию работы за счёт использования техники. Однако их реализация увязывалась с общими недостатками по всему научно-производственному циклу: слабой технической основой (приборной базой), недостатками снабжения материалами, проблемами штатно-кадровой системы предприятий; и в принципе была бы трудно реализуема на практике. Ярче всего это продемонстрировал проект Дворца научного труда, став одним из ярких невоплощённых символов уже архитектурной мобилизации – сталинской генеральной реконструкции Москвы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Долгова Е. А. «ЦЕКУБУ играет до сих пор значительную роль в деле материально-бытового обслуживания научных работников. Вместе с тем...». Дискуссия о ЦЕКУБУ в 1929–1931 гг. // Исторический архив. 2022. № 1. С. 102–132. EDN TBQUIN.
2. Сапрыкин Д. Л. «Золотой век» отечественной науки и техники и «классическая» концепция инженерного образования // Вопросы истории естествознания и техники. 2013. № 1. С. 28–66. EDN PYKLDL.
3. Тугаринов И. А. ВАРНИТСО и Академия наук СССР (1927–1937) // Вопросы истории естествознания и техники. 1989. № 4. С. 46–55.
4. Дэвид-Фокс М. Пересекая границы: модерность, идеология и культура в России и Советском союзе / Пер. с англ. Т. Пирусской. М. : Новое литературное обозрение, 2020. 464 с.
5. Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008.

Статья поступила в редакцию 23.03.2023.

Одобрена после рецензирования 19.05.2023. Принята к публикации 22.05.2023.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Долгова Евгения Андреевна *medievalis@list.ru*

Доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

AuthorID РИНЦ: 585343

Scopus AuthorID: 57195965998

ORCID: 0000-0002-3902-7142

Web of Science ResearcherID: E-7791-2017

DOI: 10.19181/smtp.2023.5.2.13

“IT WON’T BE SO EXPENSIVE”: APPROACHES TO THE ORGANIZATION OF SCIENTIFIC WORK IN THE 1930s.

Evgeniya A. Dolgova¹

¹Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

For citation: Dolgova, E. A. (2023). “It won’t be so expensive”: approaches to the organization of scientific work in the 1930s. *Science Management: Theory and Practice*. Vol. 5, no. 2. P. 166–175. DOI 10.19181/smtp.2023.5.2.13.

Abstract. The article examines the change in approaches to stimulating and organizing scientific work during the years of Soviet industrialization. On the example the Central Commission for Improving the Life of Scientists and the Commission for Assistance to Scientists (since 1931) the author characterizes the transition from socio-economic support to stimulate collectivism and high rates of scientific output, especially actualized under Taylor’s influence and during the years of the Stakhanov movement. The author concludes these changes affected the industrial culture of that time because of the ideas of the individual scientific work changed of the division of labor and providing production capacities of scientific collectives. Special attention is paid to the projects of organizing collective research – “auxiliary workshops” at scientific organizations. The research is based on the documents of the unpublished analytical report “On accelerating the pace of scientific work” and the materials of its discussion at the meeting of the Commission for Assistance to Scientists, identified in the State Archive of the Russian Federation.

Keywords: Soviet industrialization, material stimulation, production cycle, Taylor’s influence, Stakhanov movement, scientific organizations

Acknowledgment: The article was prepared with the support of the Russian Science Foundation, no. 20-78-1009, the project “Soviet science as an industry: personnel, infrastructure, organizational and managerial practices (1920–1970s)”

REFERENCES

1. Dolgova, E. A. (2022). “TSEKUBU (the central commission for the improvement of the scientists life) still plays a significant role in the material and household services for scientists. At the same time...”. Discussion about TSEKUBU in 1929–1931. *Historical Archive*. No. 1. P. 102–132. (In Russ).
2. Saprykin, D. L. (2013). The “golden age” of Russian science and technology and the “classical” approach to engineering education. *Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki* [Studies in the History of Science and Technology]. No. 1. P. 28–66. (In Russ).
3. Tugarinov, I. A. (1989). VARNITSO i Akademiya nauk SSSR (1927–1937) [VARNITSO and the USSR Academy of Sciences (1927–1937)]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki* [Studies in the History of Science and Technology]. No. 4. P. 46–55. (In Russ).

4. Devid-Foks, M. (2020). *Crossing Borders: Modernity, Ideology, and Culture in Russia and the Soviet Union* [Russ. ed.: *Peresekaya granicy: modernost', ideologiya i kul'tura v Rossii i Sovetskom soyuze*]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 464 p. (In Russ).

5. Osokina, E. A. (2008). *Za fasadom "stalinskogo izobiliya". Raspredelenie i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializacii. 1927–1941* [Our Daily Bread: Socialist Distribution and the Art of Survival in Stalin's Russia, 1927–1941]. Moscow: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2008. (In Russ).

The article was submitted on 23.03.2023.

Approved after reviewing 19.05.2023. Accepted for publication 22.05.2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dolgova Evgeniya *medievalis@list.ru*

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Principal Unvestigator, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

AuthorID RSCI: 585343

Scopus AuthorID: 57195965998

ORCID: 0000-0002-3902-7142

Web of Science ResearcherID: E-7791-2017